

Малая родина: взгляд изнутри

Малышку родители оставили дома одну, а сами уехали в город за покупками. На крашеном полу разбросаны цветные карандаши, игрушки, книжки. Вернее, книжек-то всего две: одна про зверят, с яркими картинками, вторая – про маленькую девочку. Эта, вторая, похоже, любимая, просмотрена, пролистана десятки раз. «Как это наша бабушка могла попасть в книжку? – думает малышка, рассматривая картинки. – И почему у нее такое сердитое, строгое лицо? Нет, это не наша бабушка, наша всегда такая добрая и ласковая». Картинки в книжке черно-белые, какой непорядок, пора их раскрасить! Но вот незадача – раскрасить-то нечем: у карандашей цветные сердечки либо стерты, либо сломаны. И лишь один карандаш, синий, в порядке, поэтому все картинки щедро покрываются синим цветом. В окно комнаты заглянуло солнце, пригрело игрушки, книжные страницы. Как уютно в теплом солнечном квадрате на полу – и малышка уснула...

Позже эта книжка с раскрашенными синим карандашом картинками стала постоянной спутницей подрастающей девочки. В другой, цветной, книжке про зверят буквы были большие, и малышка по ним стала учиться читать. Эта книжка стала ей чем-то вроде азбуки, букваря. И однажды – о чудо! – девочка подбежала к матери: «Мама, смотри, тут написано «Детки в клетке!»». И она, радостная, взволнованная, начала быстро перелистывать страницы и читать по слогам матери стихи про зверят. Через какое-то время дошла очередь и до второй, любимой книжки.

На обложке по широкой светлой дороге идет маленькая девочка, по сторонам зеленые елочки и уютные белые домики с малиновыми крышами. Вверху название – «Первая дорога». Выяснилось, что героиню звали Катей, и с ней всегда происходило что-нибудь необычное. Картинки в книжке «заговорили», стали понятными: строгая бабушка учила внучку какой-нибудь

житейской мудрости, малыши что-то отыскивали, а карлики весело маршировали.

Думаю, что эта книжка – «Первая дорога» - нравилась многим маленьким девочкам 1960-х. Шли годы, малышка подрастала. Было прочитано много книг (десятки, пожалуй, сотни), книг самых разных – приключенческих, научно-популярных, фантастических, учебных, художественных, книг хороших, нужных, интересных. Но «Первая дорога», книга с таким символическим названием, стала первой большой книгой, прочитанной самостоятельно. С нее начиналась дорога в увлекательный книжный мир, в познание окружающей жизни. Недавно внучка отыскала мне в интернете эту книжку, я окунулась в далекое детство – и столько радостных, теплых воспоминаний нахлынуло вдруг!..

Теплый июньский день. На дороге лужицы после короткого дождя, выглянуло солнце. Мы с подружками бегаем по улице и, подражая соседским мальчишкам, отчаянно топаем по водной глади луж, поднимая фонтаны брызги. Хохочем и смотрим: у кого фонтан выше?

Иногда я забегаю в дом, но неизменно слышу голос отца, сидящего у репродуктора: «Тише, тише!». Старший брат недовольно смотрит в мою сторону и шипит: «Да не шуми же ты!». Понимаю, что передают что-то важное. Убегаю, и вскоре появляюсь снова – картина та же. Позже узнаю: в космос полетела первая женщина - Валентина Терешкова! «Тоже буду космонавткой, когда вырасту», - решила тогда я. Такое желание было вполне в духе того времени. Звезды казались такими близкими, а полеты на другие планеты – дело почти решенное. Правда, известие о первом полете человека в космос моя память почему-то не сохранила: видимо, тогда я была в детском саду и услышала об этом событии позже.

У нас в доме на полке этажерки с книгами долго красовалась цветная почтовая открытка. На ней на фоне голубого неба и летнего пейзажа изображены два первых космонавта: Юрий Гагарин и Герман Титов, в легких рубашках, рассматривают газету, улыбаются. Когда я училась в школе, знала всех советских космонавтов – так с гордостью за свою страну жили тысячи мальчишек и девчонок. Космическая тема присутствовала тогда во многом: в почтовых открытках, марках, значках, песнях, стихах, книгах. На традиционном весеннем смотре школьной художественной самодеятельности наш 4-ый «А» завоевал первое место, хором исполнив песню о космонавтах, сочиненную моей первой учительницей.

Во времена моего детства все новости, происходящие в стране и в мире, наша семья узнавала из маленького радиоприемника, темного, пластмассового, работавшего чуть ли не круглые сутки. В шесть утра он включался – хор исполнял гимн Советского Союза, а в двенадцать ночи вещание прекращалось. Отец называл приемник радиоточкой (похоже, так оно и есть), а я, дошкольница, называла его просто - «радиво», поскольку «радио» произносить было трудновато. «А это по радиво передали», - спешила я поделиться очередной новостью с домашними. Из радиоточки постоянно звучали новости, популярная музыка, песни, оперные арии, велись разные передачи – политические, спортивные, развлекательные, детские, научные, музыкальные, транслировались спектакли, футбольные и хоккейные матчи. Маленький приемник стал источником знаний о жизни в стране и в мире, способствовал пополнению кругозора и даже, в какой-то степени, духовному росту. Такие радиоприемники были почти в каждом доме.

Отец любил спорт и политику, а мы, домочадцы, были пассивными слушателями. Сразу вспоминаются радиопередачи «Пионерская зорька», «С

добрым утром», позже появилась «Радионяня», еще была интересная передача о защите прав диких животных, кажется, она называлась «КОАПП» со смешной музыкальной заставкой. Многие популярные песни шестидесятых прочно засели в памяти, сформировав на годы романтический, гражданственно-патриотический настрой души.

Помню позывные «Слушайте все» - это звучала мелодия «Широка страна моя родная», которая означала, что сейчас будет передано важное правительственное сообщение. Старшеклассницей участвовала в конкурсе к 400-летию Николая Коперника (а затем и в других, организованных с помощью радиовещания), за что получила по почте сувениры и красивую авторучку в футляре. Одно же из самых ранних воспоминаний (мне года три-четыре) – звонкий мальчишеский голосок весело выводит: «Вот ступенька за ступенькой...». Я начинала энергично маршировать и подпрыгивать под эту песенку, не понимая, о каких таких ступеньках, да еще так задорно пел мальчишка. Для меня тогда существовало только одно понятие – ступеньки крыльца родного дома. Внучка отыскала мне в интернете очень похожую песню тех лет - «Пионерские ступени», в исполнении девочки и хора, но все же мальчишка из детских воспоминаний пел и звонче, и веселее.

Конечно, кроме радиоточки были в семье и другие источники вещания. Где-то в середине шестидесятых мои родители (да и почти все соседи по улице тоже) приобрели телевизор, черно-белый, который включали обычно по вечерам. Запомнился первый фильм, увиденный мною по ТВ, - о старике Хоттабыче. Хотя телевизор и являлся новинкой того времени, но столько информации о жизни в стране и в мире он все же не давал. Маленький приемник был куда привычнее. За исправной работой радиоточки следил монтер, периодически ходивший по улице, смотревший, не оборвались ли от ветра провода, работает ли приемник.

Надо сказать, что эта радиоточка сыграет трагическую роль в истории моей семьи. Пройдут годы, и в октябрьский день 1979 года случится беда. Замолчал приемник, и старенький отец сам полез на крышу устранить неисправность: не мог он жить без новостей. Так и замер там, на высоте, на коньке, с оборванным проводком в руках: не выдержало сердце. Оборвался провод – оборвалась жизнь. Не стало отца, родного человека, маленького участника большой истории (об этом будет сказано ниже), так много пережившего за свои 73 года и так любившего мир.

Одноэтажное деревянное здание барачного типа по улице Жданова – здесь размещалась начальная школа №33. Нас, первоклашек, а также остальных учеников, построили на линейку в школьном коридоре. У директора школы, Кривулина И.П., было очень суровое, очень строгое лицо. Таким мы его не привыкли видеть. Спокойным, твердым голосом директор говорил о чем-то очень серьезном и тревожном. Было непонятно, о чем, но, запомнилось, что все мы должны быть очень-очень послушными, самостоятельными, делать только то, что говорят взрослые, любить и беречь маму, папу, братьев и сестер. Дома старший брат сказал, что мама, услышав что-то по радиоприемнику, вдруг громко воскликнула: «Война!». Но ничего страшного тогда не произошло (и слава Богу!), а повзрослев, я узнала, что такое Карибский кризис и о том, как наша страна оказалась на грани войны с Америкой, и что могла начаться третья мировая. Линейка в школьном коридоре, серьезное лицо директора, его строгий голос надолго остались в памяти.

Еще во время учебы в начальной школе впервые услышала историю о происхождении названия родного поселка Красный Брод (тогда официально он назывался именно так, а теперь – Краснобродский). Нам рассказывали о том, как проходила гражданская война в нашем краю, о борьбе

красноармейцев с белогвардейскими отрядами Колчака. Ожесточенный бой между белыми и красными завязался при переходе реки Кривой Ускат, расположенной на северо-востоке от поселка, и речной брод окрасился кровью убитых и раненых бойцов. Так говорила наша первая учительница. Сначала поселок назывался Каменным Бродом, но с 1931 года был переименован в Красный Брод (у Шабалина В.В. – красный значит «революционный»).

Помню рассказ учительницы о партизанке Зине, умирающей от ран, на груди которой каратели вырезали звезду. Есть еще версия названия поселка: слово красный – это цвет речной гальки, образовавшейся из залежей красноватого горельника, которого было много в этих местах. Такой гальки, причем разных оттенков красного цвета, в детстве мы находили немало, набивали ею карманы, сравнивали, у кого камешки красивее. Тут же вспоминается еще одна версия названия моей малой родины: «красный» значит «красивый».

Однако из всех этих трех версий первая, «революционная», героическая, выглядит предпочтительнее: в тридцатые, когда давалось название нашему населенному пункту, дух революционного патриотизма еще витал в воздухе, был традицией, политической идеологией. С 1961 года официально поселок стал называться Краснобродским, что звучит более отвлеченно в смысловом аспекте, но в народе бытует прежнее название - Красный Брод: так проще, конкретнее, понятнее. А вообще имя нашего топонима уникально, единственно в своем роде, и как доказательство: попробуйте набрать это название в Яндексe (или в другой поисковой системе) - высветится именно наш населенный пункт.

К истории поселка также имеют отношение небольшие поселения рядом с Краснобродским - Реутовский («реут» - большой колокол) и

Караульный (правда, его уже нет). Здесь в позапрошлом и в начале прошлого века находились дозорные вышки, а неподалеку проходил Екатерининский тракт. Еще было в поселке кирпичное здание тюрьмы, ко времени моего детства почти совсем разрушенное; с горы, на которой оно стояло, зимой мы часто катались на санках. Старожилы рассказывали мне много интересного, связанного с событиями того времени. Собирая материалы для курсовой о прозвищах жителей села старый Красный Брод (оно располагалось к северу от нынешнего поселка) во время учебы на филфаке КемГУ, я услышала и записала красивую легенду о всаднике-призраке, ищущем свою украденную невесту, и еще несколько историй.

Летние дни нашего детства всегда были полны тайн, самых разных и неожиданных. Мы, ребяташки 1960-х годов, не только играли в лапту, прятки, в мяч, в разведчиков, ходили в походы, плавали. Не раз мы покоряли горы Салаирского кряжа, высокие отвалы, строили шалаши, штабы, укрытия, искали клады, а брат с мальчишками мастерил парашюты, летающие модели самолетов. Тогда само время было такое, интересное, необычное, героическое, время энтузиастов и романтиков, «физиков» и «лириков», туристов и геологов, великих сибирскихстроек и авторских песен у дымного таежного костра. То было время надежд, самых смелых мечтаний о космических полетах, уверенности, что «караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды». Нас манили ветра странствий, тайны минувших столетий, загадочные экспедиции, неизвестные острова, морские «ревущие сороковые», кругосветные путешествия, загадки океанов, южные экзотические города, незнакомые народы, континенты, открытия... Мы, дети той поры, поистине романтической эпохи, впитали в себя ее неповторимый дух.

Услышали однажды, что где-то зарыли капсулу с обращением к потомкам (тогда в стране такое было распространено), и решили не отставать от взрослых. Собрались с соседскими ребятами, и в палисаднике нашего дома, напротив окна, зарыли в землю бутылку с письмом – обращением к девчонкам и мальчишкам двадцать первого века. Нам казалось тогда, что мы совершаем нечто очень важное, значительное. О чем дословно писали в послании, сейчас и не вспомню, но думаю о том, как мы дружно живем, во что играем, о чем мечтаем, каким хотим видеть будущее и как любим свою великую Родину - СССР. Про космос точно писали, нам казалось тогда, что до звезд после первых космических полетов рукой подать.

Более полувека прошло с того времени, но мне до сих пор любопытно, сохранилась ли в земле наша бутылка с посланием. Не раскололась ли она, не истлела ли бумага с записью. На том месте сейчас растут два огромных куста дикой розы, розовой и желтой. Тесно сплелись их корни, разрослись вглубь и вширь и, похоже, прочно хранят нашу детскую тайну. О зарытой в палисаднике бутылке с посланием я рассказала своей внучке, чем вызвала в ней неподдельный, искренний интерес.

Деревянный финский дом, где прошли мои детские годы, тоже был словно окутан тайной. Улица Краснобродская, где этот дом и стоит поныне, - одна из первых улиц нашего горняцкого поселка. В нем в конце 1940-х годов размещались классы начальной школы (а всего тогда было несколько начальных школ в разных местах поселка – так много детей рождалось в те годы). Затем, в начале пятидесятых, в поселке построили новую школу, кирпичную, двухэтажную, а этот дом был наскоро переделан под жилье: сколочена деревянная перегородка, делящая жилище на две половины. Сюда, однажды осенью, въехали две учительские семьи: в одну половину

мои мать с отцом, а в другую - одинокая учительница, из деревни, с дойной коровой. Стайки для скотины первое время не было, и в холода буренка жила у учительницы прямо в доме. Иногда раздавалось громкое журчание, и теплая лужица из-под коровы благополучно перетекала под перегородкой на половину моих родителей. Те с интересом наблюдали за происходящим, но претензий к коровушке тогда никто не предъявлял, поскольку рогатая жилица - кормилица все же, и персона ох какая важная. Меня тогда еще и на свете не было, но рассказ матери про корову, делающую лужицы, стал чуть ли не семейным преданием. Кстати, коровы во времена моего раннего детства, были чуть ли не в каждом соседском дворе (мы брали молоко у соседней). Вечерами нам, ребятишкам, неизменно полагалась кружечка парного молока.

Потом, когда пошла в школу, поголовье соседских буренок заметно сократилось, возможно, к этому была причастна хрущевская, а затем брежневская политика в сельскохозяйственном вопросе. Времена насчет продуктов питания были напряженные, и в 1960-ые и позже наша семья постоянно держала что-нибудь из живности в стаеке – барана, бычка, поросенка, кур. Вспоминаю, как отец разводил кроликов, соорудив в пристройке к дому многоярусные клетки. Мы с братом с удовольствием кормили ушастых травой, морковкой. Зимой я бегала в кроличьей шубке, заботливо сшитой матерью.

Поскольку родной дом был первоначально школой, возможно, поэтому тяга к знаниям, любовь к чтению передавалась всем тем, кто жил в нем когда-то. В этом доме благополучно выросли педагог, летчик, два библиотекаря (две подруги детства работают сейчас в областной библиотеке им. В Федорова), три горных инженера.

Чем еще мы жили? Однажды с подружками договорились встречать рассвет. Часа в четыре утра мы проснулись и побежали с громкими криками «ура!» вдоль по пустынной улице навстречу солнечному восходу, разбудив петухов и любопытных соседей. Впечатления незабываемые. Говорят, лето – это маленькая жизнь, но эта жизнь, скорей, не маленькая, а самая что ни на есть огромная, необъятная.

В огородах у нас и соседей были сложены небольшие печи, на которых всегда что-то готовилось. В воздухе разносились запахи от тазов и кастрюль с малиновым, клубничным вареньем, а когда сахар был в дефиците, сироп варили из дешевых карамелек-подушечек. Какой незабываемый сладкий аромат разливался вокруг! Помню, сливы закупались ведрами, и из них варили густой джем. Частенько на летних печках коптили скумбрию (эта рыба была тогда недорогой), подбрасывая в топку специальные опилки и стружки и приспособив к трубе самодельные коптильни из старых цинковых бачков. Мы с девчонками, играя в дом, готовили на «взрослой» печке в алюминиевых кастрюльках из набора детской посуды компот из ранеток, угощая им всех подряд. По вечерам устраивали концерты - выступали со стихами и песнями перед соседями и старшими ребятами, собиравшимися на большой уличной скамейке.

Мой отец, бывалый таежник, нередко брал соседских мальчишек с собой за колбой, грибами, малиной, кислицей. С ночевкой они отправлялись поездом в Аламбай, в Тягун. Возвращались с котомками, наполненными дарами леса, тайги. По словам мальчишек, какого только зверья не видели они в таежных дебрях! Медведя в десятке метров от себя повстречали, правда, испугался их косолапый, ушел. После очередной поездки отец говорил родителям мальчишек, соседям: «Ох, и спать же они любят! Я кричу

им, кричу, ягоду брать надо, пока не жарко, а они дрыхнут и дрыхнут себе, не добудишься!».

Еще в детстве мы мечтали найти клад. Правда, по этой части нам как-то не везло и ничего стоящего не попадалось. Но однажды соседский мальчишка Андрей, который, возможно, больше всех из нас мечтал о кладе, показал нам большой, с мужскую ладонь, красивый старый серебряный крест, заявив при этом, что случайно откопал его в огороде. Может, оно так и было, и счастливый обладатель сокровища всюду хвастался, что находка эта весьма ценная и ему теперь положено от государства вознаграждение. Правда, неизвестно, куда потом этот крест неожиданно и бесследно исчез.

Мечты, игры, походы, радость «вхождения в лето» - самое главное чудо наших детских воспоминаний. Это чудо повторялось из года в год, мир детства был словно соткан из теплого радостного света.

Вспоминаются игрушки детства: пластмассовая желто-зеленая кукла-кукуруза (яркий знак хрущевской поры), с крутящимися ручками-ножками, в платочке, с которой я любила купаться в корыте, всевозможные пупсики разных размеров, плюшевая черная собачка Тотошка, складная красная металлическая коляска для куклы, забавный желтый заяц-неваляшка, большая разноцветная юла, красиво гудевшая при вращении. Это были советские качественные игрушки, они не ломались и долго служили своим юным обладателям.

Одной из самых любимых была кукла-турист: в клетчатой рубашечке, голубом комбинезоне, в большой белой панаме, с голубым рюкзаком сзади. Кукла была хоть и небольших размеров, но самая что ни на есть настоящая, какой были дорогие куклы того времени: с красивыми закрывающимися стеклянными глазами, с мягкими светлыми волосами, заплетенными в две косички, руки, ноги, голова розовые, блестящие, думаю,

из папье-маше, тело тряпичное. В рюкзачок я положила кусочки сахара, а когда мне покупали шоколадку с орехами «Сказки Пушкина» (помню, тогда она стоила 35 копеек), часто хранила лакомство рядом с куклой.

Сладости, которые нам покупали взрослые, в ту пору делали из натуральных продуктов, без всяких добавок. Необыкновенно вкусными казались подсолнечная и арахисовая халва, леденцы монпасье и «Апельсиновые дольки», кубики-полуфабрикаты какао и кофе (мы их предпочитали грызть, а не употреблять в виде напитка), ароматное болгарское варенье из розовых лепестков в высоких стаканах, мороженое из бочки, которое клали большой ложкой в бумажные кулечки, и многое другое.

Когда я начала учиться в 5-ом классе, пионервожатая повела наш класс в музей соседней школы. Здесь нам открылась еще одна страница истории родного поселка. На стенах цветные таблицы, схемы, в витринах кости, бивни мамонта, череп древнего бизона... Ученица-старшеклассница проводила экскурсию, звучали незнакомые слова: эпоха, мезозойская эра, палеолит, кайнозой. Мы узнали, что причудливые гигантские папоротники, хвощи, выроставшие под солнцем в древних лесах нашего края, отмирали, скапливались в толще земли, и за миллионы лет из торфа в земных недрах образовался каменный уголь.

Еще нам рассказали, что на том самом месте, где мы сейчас стоим, когда-то располагались стоянки древних людей. Указкой старшеклассница показала на картину, где были изображены наши далекие предки у костра, главного очага жизни. Их лица освещены пламенем, в стороне - туша убитого животного. Мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов в наших местах, действительно, встречалось немало – об этом говорят ископаемые фрагменты скелетов этих древних животных. Бивни, рога, зубы, другие кости

нередко обнаруживали во время вскрышных работ горняки. Н.С.Угольников, много лет проработавший машинистом экскаватора, в свое время передал школьному музею найденные фрагменты, а с гидроучастка нам принесли зубы носорога, вымытые гидроустановкой.

Жительница одного из финских домов рассказывала, как у нее в подполе много лет торчали из-под земли изогнутые части бивней мамонта, на которые было удобно развешивать дорожки, ведра.

Где-то к концу 1990-х в приложении «Кузбасс в АиФ» увидела публикацию с громким названием «Первые неандертальцы жили под Красным Бродом». Супруг аккуратно вырезал статью и отправил в конверте своему однокласснику, живущему на Алтае. Сам факт жизни неандертальцев в наших местах спорный, окончательно не доказан наукой, но статья с таким названием (да еще с крупным заголовком!) имела место, что уже само по себе примечательно.

Некоторые подробности о годах гражданской войны в нашей местности я узнала гораздо позже, работая в школе учителем и педагогом-краеведом. В школьном музее хранился альбом «По местам партизанского движения против колчаковского режима» (сейчас альбомные страницы оцифрованы). Его вместе с учениками оформил в 1966 году учитель физкультуры Десятников Д.Л., водивший ребят в многодневные походы по старинным сибирским селам, расположенным не так далеко от нашего поселка. Ночевали в палатке и в сельских школах, посещали ферму, птицефабрику, пасеку, встречались со старожилами, записывали в блокноты их рассказы, много фотографировались.

Так в первой половине 1960-х учителем физкультуры Десятниковым был основан кольцевой туристический маршрут: Красный Брод – Безымянное – Коновалово – Евтино – Каракан – Пермьяки – Каурово – Чигирь

– Чекмари – Мальцево – Котино – Терентьевское – Бурлаки – Карагайла – Красный Брод. Школьный альбом – это путеводитель по маршруту, с грамотно составленной картой, описанием, фотографиями. На протяжении десятка лет школьники с учителем ходили по этому маршруту, протяженностью 344 км и длительностью 12 дней. Страницы далекого героического прошлого открывались детям в этих походах.

Черно-белые снимки в альбоме удивительно притягательны, вызывают легкое волнение, ведь они сделаны в годы, когда я сама была школьницей. Разглядываю их и словно возвращаюсь в милую пору детства: и цветущая черемуха, и ивы по берегам Уската, и коровы с доярками на ферме, и пасечник около ульев, и сотни белых кур на птичнике, и задумчивые, выразительные лица деревенских старожил, бревенчатые дома, сельские улицы, тайга, дорога, речки, привалы, палатки, улыбающийся учитель в окружении школьников-туристов – все это оттуда, из незабываемых 1960-х!

Сорок лет спустя после описанных в альбоме событий мы с активистами школьного музея проехали на «Уазике», предоставленном разрезом, по этим историческим местам. Посетили школьный музей в Пермьяках (нас везде встречали тепло, радушно), сфотографировались у памятника расстрелянным борцам за революцию. Памятник обновленный, из мрамора, а росший когда-то рядом куст рябины (на снимке в альбоме он чуть выше стоявших рядом ребят) теперь сильно разросся, его мощные побеги стали достигать в высоту метров 8-10. Побывали в Котино, Терентьевском. Некоторые села, обозначенные в десятниковском маршруте (Каурово, Банново, Безымянное, Чигирь, Чекмари) прекратили существование. Речка Бунгарап местами обмелела, что неудивительно, ведь с описываемых в школьном альбоме событий прошло сорок лет! Как-то летом, в июле, мы побывали и там. Рыбачили на берегу, заросшем ивняком.

Вода выглядела желтовато-мутной, было много слепней, разного гнуса. Но надолго останутся в памяти и купание в вечерней реке, и ночной костер, и красная луна, выглядывавшая из-за туч. И как вкусна оказалась приготовленная на костре уха из хариусов, выловленных в таежном Бунгарапе!

Хочется отметить, что с годами, по мере пополнения знаний о гражданской войне в нашей местности, ко мне пришло понимание, что в истории было не все так однозначно, как преподносилось нам когда-то, еще со школьной скамьи: красные – наши, белые - враги. За годы было много услышано, прочитано, осмыслено. То было сложное, суровое, смутное время. И жестокость имела место с обеих сторон, и, случалось, сомнительные люди выдавали себя за красных, а сами творили беззаконие и самосуд, и белые часто необоснованно свирепствовали. Война, она и есть война.

Василий Филиппович Антонов, много лет проработавший председателем Михайловского сельсовета (Прокопьевский район, там родина моих родителей), как-то рассказал мне о печальной судьбе своего дяди, с которым жестоко расправились белогвардейцы. Проезжая через деревню, они расспрашивали жителей о красных партизанах, и кто-то из местных, просто так, испугавшись, ошибочно указал на Антонова. Беднягу, привязав к коню, протащили через всю деревню и покончили с ним в близлежащем лесу.

Прошлое, связанное со временем гражданской войны, коснулось и моей семьи (хотя и не относится к нашей местности). Отец мой, Сятрайкин А.И., 1906 года рождения, в начале 1920-х годов в числе других участвовал в создании первых комсомольских ячеек в Клявлинском районе Самарской губернии (потом это была Куйбышевская область). Было ему тогда четырнадцать - пятнадцать лет. За бурную

агитационную работу он был пойман враждебными элементами и брошен вместе с другими в ледяную прорубь, но сумел выбраться, выкарабкался. Отец после этого долго не мог ходить, и его заботливо выхаживала его мама народными методами, сажая в теплую бочку с травами, отрубями, конским навозом.

Я появилась на свет, когда отцу уже исполнилось 50 лет, матери – только тридцать. Помню картинку из детства: «Внучку в сад повел?» - часто спрашивали прохожие отца, на что тот с гордостью отвечал: «Да нет же, дочку!».

Однажды вечером мне с пассажирами неисправного рейсового автобуса пришлось возвращаться в поселок пешком (всего-то 5 км) с соседней станции Трудармейская. Попутчики заинтересовались, из какой я семьи. Ответив, немного рассказала о родителях, упомянув при этом, что отец - участник событий гражданской войны. «Не может быть!» - воскликнул один из попутчиков, немолодой уже мужчина. Я очень удивилась, и это «не может быть» почему-то прочно засело в памяти. Видимо, для меня, добросовестной школьницы, старшеклассницы, было не совсем понятным, как это взрослый, такой серьезный с виду человек мог усомниться в правдивости моих слов.

Во второй половине 1960-х годов отцу из Москвы пришло письмо - соратники отца по революционной, комсомольской деятельности разыскивали его. Завязалась оживленная переписка. Под диктовку отца я писала своим каллиграфическим почерком длинные письма-ответы. На 50-летие создания первых комсомольских ячеек отец был приглашен в Куйбышев на юбилейные мероприятия. Там он встретился с друзьями юности, товарищами по борьбе, и привез из поездки много впечатлений и фотографий.

Хочется слегка коснуться истории моей семьи. Мама – из поколения переселенцев из Чувашии, ее родители одними из первых основались в Михайловке (в этом году селу исполнится 113 лет). Там она и родилась, а

когда была маленькой, ее семья попала под раскулачивание. И это только за то, что у них на 9 детей и двух родителей приходилась лошадь, две коровы и швейная машинка - неслыханная по тем временам роскошь! Пережили ссылку в Нарым, голод, холод, смерть матери от тифа, бегство отца с детьми из томской тайги: выжить в вырытой землянке было невозможно. Дети посасывали кедровые щепочки, это казалось вкусным, питательным, надо же было хоть что-то положить в рот.

Оказавшись в родных местах, выживали, как могли, нанимались на любую работу. Мама обстирывала большую семью. Потом юность, война, учеба в кемеровском педучилище, по вечерам работа на военном заводе. На фронт моя мать не прошла из-за маленького роста, хоть и пыталась на цыпочках дотянуть недостающие сантиметры. После войны приехала в родную деревню, работала в школе. Там и встретила с отцом, фронтовиком, вдовцом с тремя сыновьями. Отец вел в школе историю и географию, и за учительскую работу был награжден орденом «Знак почета». Я упоминала, что в годы гражданской войны он участвовал в становлении Советской власти в Поволжье, потом, до войны, после окончания пединститута в Куйбышеве, переехал в Михайловку, учительствовал, затем, в годы Великой Отечественной, в войне с Японией, был начальником радиостанции зенитного дивизиона (медаль «За боевые заслуги»). Так в биографиях моих родителей отразилась непростая, трудная история целой страны. Из деревни отец с матерью и детьми отца в начале 1950-х годов переехали в молодой горняцкий поселок Красный Брод, там впоследствии родились мой брат и я.

Из окон финского дома, дома моего детства, сквозь ветки тополей улицы Новой можно видеть два позолоченных купола Ильинского храма. В праздники, радуя слух и наполняя сердца благодатью, плывут над домами, улицами колокольные звоны. Храм этот стал местной

достопримечательностью, в нем постоянно проходят службы, сюда привозят святыни, поклониться которым приходят не только краснобродцы, но и жители близлежащих сел и деревень. Сюда идут с болью и с радостью, с надеждой и с верой. Недавно в этом храме отпели мою маму, ушедшую на 97-ом году жизни.

Радует, что службы посещают представители многих социальных слоев: горняки, служащие, интеллигенция, пенсионеры. Торжественные литургии и чин освящения храма проводил здесь в свое время митрополит Софроний, а после его кончины на престольный храмовый праздник приезжает митрополит Аристарх. Это - настоящий праздник, яркое событие для многих верующих, да и просто заинтересованных в вере людей.

Когда храма в поселке не было, службы и обряды крещения проводились в небольшой кирпичной постройке, расположенной неподалеку, а еще ранее церковь размещалась в доме прихожанки Серафимы Бабиной по улице Краснобродской, улице моего детства. Я хорошо помню эту трудолюбивую семью. Они долго держали корову, другую живность, сами заготавливали сено, много работали на огороде, были доброжелательны, немногословны, просты в общении, говорили тихо, спокойно. Затем, в начале девяностых, с финансовой помощью разреза «Краснобродский» началось строительство Ильинского храма, которое завершилось концу декабря 1997.

Вспоминаю дни, связанные с кончиной митрополита Софрония. В конце марта – начале апреля 2008 года я была в Кемерове на курсах повышения педагогической квалификации. Жила тогда у двоюродной сестры Клавы, которая работала в бухгалтерии областной больницы и там же состояла в сестричестве жен-мироносиц. От нее услышала, что владыка Софроний тяжело болен, а 30 марта его не стало. На другой день вечером мы

с родными поехали в Знаменский собор прощаться с епископом, который много доброго совершил для веры, для кузбассовцев, для земли Кузнецкой. Стояли в храме, к владыке с последним поклоном подходили священники, прихожане, простые люди, а я все размышляла над словами сестры, рассказавшей, что перед кончиной Софроний призвал к себе Аристарха и что-то говорил ему. Мне тогда казалось, что произнесено было нечто особенное, соответствующее и сану, и значимости момента. Наверно, прозвучали слова ухода: «Отхожу ко Господу». Свερшалось нечто великое, и в эти дни велика была наша печаль от расставания с пастырем, целиком посвятившего себя служению вере.

Во время учебы на курсах мы с коллегой посещали Знаменский собор, ходили на службы. Однажды среди прихожан увидела человека, похожего на поэта Александра Ибрагимова (если судить по журнальным фотографиям), но был ли это он, не знаю. Как-то мы с коллегой подошли к могиле Софрония, находившейся первоначально рядом со стенами храма. Был солнечный апрельский день, достаточно холодный, кое-где еще редкими островками лежал белый снег. Могильный холм был прикрыт венками, цветами. Вдруг ранняя весенняя бабочка села на цветок и застыла неподвижно, расправив свои нарядные крылья. Это казалось добрым знаком, чудом, словно чистая, прекрасная душа владыки легкокрылым ярким видением посетила этот мир.

Пожалуй, только в зрелом возрасте в сознании особенно прочно укрепляется мысль о необходимости веры. С годами убеждаешься, что материализм, как одно из философских течений, не исключает существования Творца. Сам факт зарождения и существования жизни на Земле – уже само по себе величайшее чудо. Науки молчат о главном – о предназначении человека в жизни, о его душе.

Православие – это и нравственные ценности, и глубинное осмысление внутренней сущности человека, его мыслей и поступков, его места в мире людей. Бог есть любовь, и она должна быть единственным ориентиром в жизни каждого из нас. Верю, как в известном высказывании, и в звездное небо над головой, и в нравственный закон внутри себя. Верю, когда профессор Осипов А.И. в одной из лекций по телеканалу «Союз» утверждает, что христианство – внеземного происхождения. Важно очищаться нравственно, жить духовными законами, и в этом помогает вера. С нею мы становимся мудрее, счастливее, и, чтобы принять ее и разумом, и сердцем, нужны годы.

Еще думаю, что вера – понятие генетическое. Бабушка моя по отцу была глубоко верующим человеком. Маленькая, аккуратненькая, приветливая, в белом платочке, она словно светилась добротой, была житейски мудрой. Детей достойных вырастила, многочисленных внуков, и всегда была в работе: ткала дорожки, вязала, шила, мыла, полола. А сколько таежных троп она исходила, собирая травы, грибы, ягоды! Отец с нежностью относился к матери, перед Пасхой всегда вспоминал с теплом: «Вот анне («мама» по-чувашски) на службу пошла, понесла кулича освящать» - и это в советское время говорил член КПСС! Однажды, проснувшись утром, произнес: «Приснилась анне, в белом платье, будила меня, уж не случилось ли чего», - и отправлялся первым автобусом в соседний Киселевск, где жила моя бабушка с дочерью и внуками. Все, что имело отношение к бабушке, было согрето заботой, любовью. Может, потому для меня вера, добро, любовь, мудрость – близкие понятия, по сути, одно и то же.

Когда-то, в середине 1960-ых на месте храма располагался сквер с обелиском краснобродцам, погибшим на фронтах Отечественной, а чуть поодаль – кинотеатр «Рассвет». В сквере, где стоял обелиск, росли акации, всегда ухоженные, постриженные, вечерами работал летний кинотеатр. На

одной из внешних стен «Рассвета» был растянут киноэкран, а перед ним установлены ряды деревянных скамеек. В погожие вечера лета для жителей поселка устраивались показы художественных фильмов, киножурналов «Фитиль», «Новости дня» и других. Когда площадка пустовала, мы тогдашние девчонки и мальчишки, упражняясь в ловкости, любили прыгать по скамейкам, преодолевая расстояние от первого до последнего ряда.

Вспоминаю, как готовили поселковый обелиск к открытию. Напрыгавшись по скамейкам, набегавшись по скверу, мы, ребяташки, подходили к свежевыкрашенному в белый цвет обелиску. Там, сидя на маленьком стульчике, местная художница Катя Михеева старательно выводила кисточкой фамилии краснобродцев, не вернувшихся с войны. Эти фамилии были выбиты на плите у основания обелиска и аккуратно покрывались черным цветом. «Ануфриев, Арестов, Барнев...», - читали мы вполголоса. Позже я узнала, что к созданию этого первого в поселке обелиска приложили немало трудов учителя-краеведы Бакланов В.И. и Десятников Д.Л. Художница Катя, оформлявшая обелиск, запомнилась мне еще тем, что перед новогодними праздниками вполне профессионально лепила красивые объемные фигуры из снега на площади перед поселковой елкой.

Сейчас другой, современный монумент-обелиск, с вечным огнем и барельефами матери и коленопреклоненного воина, возвышается на площади в центре поселка. Он был возведен к 40-летию Победы, и мы, комсомольцы разреза, рабочие, жители поселка облагораживали перед праздником близлежащую территорию. Многие жители помнят, как в ночь на 9 Мая перед открытием монумента внезапно выпал обильный снег, образовались сугробы, хотя накануне стоял жаркий солнечный день.

Июль 1981 года. Краснобродцы (да и весь Кузбасс тоже) готовятся наблюдать редчайшее астрономическое явление – полное солнечное затмение. О предстоящем уникальном астрономическом неоднократно сообщалось в СМИ, и мы, жители поселка, уже знали, что именно у нас будет полная фаза – 1,0. Я, молодая девушка, работала тогда на разрезе «Новосергеевский» художником-оформителем, и парторг с председателем профкома, мои непосредственные начальники, без возражений предоставили мне отгул в этот день, понимая значимость, уникальность ожидаемого события.

С утренней сменой горняков добиралась в автобусе до дома, и вдруг услышала возгласы: «Астрономы из Японии!». При въезде в поселок за улицей Карбышева стояла палатка, чуть поодаль ученые-иностранцы настраивали телескоп для предстоящего наблюдения. Это было самое удобное место, находившееся на небольшой возвышенности: здесь разрезовские отвалы не мешали обзору. Приехав, раздала соседским ребятишкам заранее приготовленные темные закопченные стеклышки, кусочки черной рентгеновской пленки, объяснила, как наблюдать.

Дождались начала затмения, когда лунный диск стал закрывать солнце. Куры, собаки и кот поначалу вели себя как обычно. Когда луна наполовину закрыла солнце, побежала к курятнику: куры сидели не на насесте, а улеглись на землю, скучковались, видимо, им так было удобнее. Собака устроилась в будке, а кот, все время вертевшийся у моих ног, куда-то исчез. Стало заметно прохладнее, темнее, как будто наступил вечер. Природное действо продолжалось. Мы с ребятишками обратили внимание на тени деревьев: тени листьев на земле стали серповидными, ажурными. Стихло пение птиц, на синеватом небе проступили редкие звезды. Соседи вышли из дворов на улицу. Сияющий в сумерках солнечный серпик становился все уже, и наконец лунный диск полностью закрыл солнце.

Свершилось! Солнечная корона на секунды предстала перед нами во всем своем великолепии. Кричали «ура!», хлопали в ладоши.

Ежедневная программа новостей кемеровского телевидения в тот вечер освещала прошедшее астрономическое событие (правда, в Кемерове, Белове фаза затмения была неполной, где-то 0,97 – 0,99). У прохожих брали интервью, спрашивали, как они наблюдали это редкое явление. Многие, конечно, наблюдали, делились впечатлениями, но нашлись и такие, кто остался равнодушным к происшедшему и даже не удосужился взглянуть на небеса. В конце репортажа возникли титры, с ироничным подтекстом, примерно таким: «Следующий опрос состоится после очередного полного солнечного затмения. До новых встреч через 380 лет!». Может быть, в титрах стояло другое трехзначное число, но, думаю, это не меняет сути дела.

Вечером того памятного дня, когда уже совсем стемнело, я вышла на крыльцо. Тишина, тепло июльской ночи обволакивало, небо сплошь усыпано яркими звездами. Казалось, они мерцали приветливо, маняще, но на деле этим далеким светящимся мирам было все равно, что где-то в бескрайней, бесконечной Вселенной, в ее крошечной точке, человек Земли пережил величайшее природное чудо.

В разное время довелось наблюдать и другие интересные астрономические явления: «парад планет», кометы, метеорные потоки (Персеиды, Леониды), лунные затмения, Венеру серпиком. Отец рассказывал, что, возвращаясь поздно из тайги, видел сполохи полярного сияния. Бывают дни, когда хорошо видна светящаяся серебристая кисея Млечного Пути, и, глядя на эти мириады звезд и скоплений нашей Галактики, явственно ощущаешь себя и планету нашу песчинкой в бесконечной Вселенной.

Ветераны Великой Отечественной войны – это особая тема, с которой связана моя и детская, и взрослая жизнь. У отца, участника боевых действий в войне с милитаристской Японией, почти все его друзья, знакомые воевали на фронте. Они часто приходили в наш дом. Из соседей на улице моего детства почти в каждом дворе также проживали участники войны, и у некоторых моих одноклассников отцы, родные тоже побывали на войне. Помню многолюдные митинги 9 Мая у поселкового обелиска.

В небольшом домике в начале нашей улицы жили старики Альтибеневы, муж и жена, оба маленькие, худенькие, милостивые, седовласые. Она в светлом платочке, он с роскошной белой бородой, - старички, словно сошедшие с лубочной картинки. Сидя на скамеечке у крыльца, они всегда здоровались и приветливо улыбались прохожим. Про старика говорили, что он участвовал в двух войнах, гражданской и Отечественной.

Проживавший неподалеку от них ветеран Поленчик как-то показал нам, школьникам, снимок, где он, молодой солдат, сфотографирован сидящим на мотоцикле в начале мая 1945 года на одной из улиц Берлина. Бросилось в глаза, что снимок тот очень четкий, отличного качества, видимо, был сделан трофейным немецким фотоаппаратом.

Когда я была совсем маленькой, по улицам поселка ходил вечно небритый, в распахнутой солдатской шинели, высокий, худой Канкан, его хорошо помнят краснобродцы старшего поколения. В памяти еще одна знаковая для поселка личность – дед Овсянников, из офицеров, высокий, статный, осанистый, прямо-таки с генеральской выправкой. Был он в свое время по доносу репрессирован, затем реабилитирован. Седоволосый, благообразный, зимой и летом носил утепленную красивую светлую шинель, говорили, импортную, с блестящими пуговицами. Воевал с белофиннами и

при случае часто и сердито, вспоминая о ком-то, говорил об одном и том же: «Что они все там болтают про Юхновку? Да не воевали они никогда в Юхновке, и даже не знают, где она находится!».

Как-то участница войны Созинова В.И. (много лет возглавляла опорный штаб народной дружины) сказала мне, что в разные годы всего в поселке проживало около полутора тысяч фронтовиков. Закон об участниках ВОВ вышел в 1981 году, и только с того времени начали вести более-менее подробный учет. Поэтому очень важно выяснить как можно больше фамилий краснобродцев, участников войны, проживавших у нас в разные годы. В конце 1980-х годов я пришла работать в школу и занялась школьным музеем. С детьми мы собирали материалы о ветеранах, проводили анкетирование, встречи, снимали видеофильмы с участием фронтовиков, писали о них в газеты, посвящали им стихи.

Еще не так давно видела в поселке фронтовика Колесникова П.И., которого хорошо знала еще со времени работы на разрезе. При встрече он всегда радушно улыбался, потихоньку говорил о своем здоровье, и при этом всегда старался держаться бодро, хотя три инсульта перенес. Это о нем был репортаж года три назад по Первому телеканалу: местный хирург извлек из тела ветерана осколок боевого снаряда, который стал особенно мешать фронтовику в последние годы.

Время безжалостно, ветераны ушли и уходят, но они всегда живут в благодарной памяти краснобродцев. Нам дорого любое воспоминание о них.

За последние годы мой поселок сильно изменился, заметно вырос вширь. Здесь есть все для развития личности и отдыха - Культурный Центр, стадион, Школа искусств, храм, спортзал, библиотека, это поселковые

достопримечательности. Черта времени – обилие в поселке торговых точек, к сожалению, и торгующих пивом тоже.

Хотите прекрасно отдохнуть - рядом, в соседней Трудармейке, всего минутах в 20-ти езды, есть березовая роща, а там Ледовый дворец, велодорожки, скалодром, сказочные деревянные фигуры, лыжный спуск, канатная дорога, хаски – все, что только душа пожелает. Недалеко имеется развлекательный центр с бассейном, аквапарком – чего еще надо!

Наш поселок в разные годы посещали известные артисты эстрады, кино. Помню, как нас, учеников начальной школы, привели в клуб «Горняк» на выступление Михаила Пуговкина. Мы весело смеялись над его рассказами о съемках, и многие запомнили фразу актера: «Не голова, а кинобудка». В новом ДК «Россия» (ныне – КЦ) смотрела (уже будучи взрослой) выступления Л. Лещенко, Ю. Горного; на поселковом стадионе - Е. Шифрина, других артистов московской эстрады, солистов балета Большого театра (в рамках фестиваля «Зори Кузбасса»). Какое незабываемое зрелище: на фоне зеленого поля балерина в ослепительно белом танцует в лучах закатного солнца! У нас гастролировали Валерия, «Иванушки», Лада Дэнс, «Лесоповал», другие разные популярные группы. По воспоминаниям старожилов, в конце 1940-х годов, в Красный Брод приезжал хор им. Пятницкого.

Что касается перемен в облике поселка, опишу свой маршрут, которым ежедневно хожу из своего дома в дом детства, где сейчас живет мой брат. Иду мимо поселкового парка с эстрадой, который раскинулся на месте старой рыночной площади. Летом здесь проходят разные торжества, зимой радуют глаз елка и снежный городок. Напротив, через дорогу, расположился торговый центр (только и успевают менять вывески – то «Чибис», то «Магнит», то еще что), овощной базар и вещевого рынок. Когда-

то, лет двадцать назад, на этом месте размещалась поселковая пожарная часть.

Прохожу мимо больницы, оставляя позади здание администрации, с тремя круглыми окнами-иллюминаторами на фасаде (так и было задумано в проекте: большому кораблю, т.е. вновь образованному Краснобродскому городскому округу, - большое плавание). Миную Угольный переулок – и вот улица Краснобродская, улица детства. Она почти не изменилась за прошедшие десятилетия – все те же финские дома, правда, в начале улицы в 1990-е были снесены 3 ветхих небольших домика и выстроен новый, трехэтажный, кирпичный. В начале улицы не так давно положили новый асфальт.

В День шахтера – 2010 Краснобродский стал столицей празднования, в связи с чем многие здания в поселке отремонтировали, облагородили. Расписали фасады двух- и пятиэтажек по главной улице, крыши покрыли бордовой металлочерепицей (по аналогии с первыми финскими домами с красноватыми черепичными крышами), выложили фигурной плиткой аллеи. Современный детский сад с бассейном, горняцкая площадь, сквер, автовокзал – это новые объекты. Радуют взор обновленный Культурный центр, стадион, площадь Победы. В порядке поселковый обелиск, за последние годы на нем появилось еще несколько имен павших краснобродцев. В поселке достаточное количество зеленых насаждений - лиственных и хвойных деревьев, кустарников. Помню, когда была школьницей, Красный Брод по озеленению и чистоте одно время занимал первое место в области (где-то в середине или конце 1960-х).

Поселок меняется до неузнаваемости, правда, не всегда в лучшую сторону. Если лет двадцать назад из окон пятого этажа я хорошо видела и поля, и лесопосадки вдалеке, и часть беловской трассы с движущимся по ней

автотранспортом, то теперь совсем другой вид. Отвалы вплотную подошли к поселку, окружив его почти со всех сторон, и лишь с юго-запада, шумят, радуя взор, березовые рощи Салаирского края. Живем, словно в котловине, дымный смог у нас, увы! – нередкое явление. Посмотришь в окно: кругом сплошь горняцкий пейзаж – отвалы, экскаваторы, техдороги и Белазы, почти рядом, как игрушечные. Грустно!

Тревожит еще и тот факт, что в последнее время краснобродцы все чаще ощущают подземные толчки техногенного характера (отвалы давят многомиллиардной массой). Природа – живой организм, она болезненно реагирует на любое неблагоприятное вмешательство, требуя разумного, мудрого отношения к себе. Живем на угле, но нельзя же бесконечно, бездумно рыть землю, тут осторожнее надо быть, подходить к производству с научно обоснованных и экологических позиций, думая о людях и завтрашнем дне. Знаем, как этой проблемой обеспокоен губернатор. Насчет отвалов: есть надежда, что с годами их полностью рекультивируют, засадят склоны облепиховыми садами да сосновыми лесами, благо, в этом направлении уже ведется работа. Эта земля так хороша, она стоит и заботы, и внимания, и любви.

Десять лет я на заслуженном отдыхе, но, если вспомнить трудовую биографию: разрез, затем школа и одновременно ЦРТДЮ, – все пролетело, как один день. Изготовление трафаретов, таблицы, техпаспорта, сигналы для экскаваторов, лозунги, плакаты, объявления, оформление мероприятий, «Молнии» - это горняцкая биография. Тут же вспоминаются активная комсомольская жизнь, поездки на концерты знаменитостей, в театр и в цирк (во времена т. н. застоя), проведение новогодних елок, праздничных мероприятий, выступления за честь родного разреза (костюмы и декорации изготавливали сами).

Уроки, ученики, педсоветы, тематические вечера, КВНы, литературный кружок «Стожары», музей и школьная газета, участие в различных конкурсах – это уже педагогическая работа. Всегда с теплом вспоминаю и горняков, и учителей, коллег. Не только работу, но и предшествующее ей время учебы вспоминаю с удовольствием: учиться мне всегда нравилось. На разрез попала случайно – надо было срочно оформить к открытию загородный пионерский лагерь (столовая, вывески, пионерская комната), а я неплохо рисовала.

Пришлось начать трудовую деятельность и учиться заочно на декоративно-оформительском ЗНУИ. Нас два раза в год вызывали в Кемерово на сессии, прилетал из Москвы преподаватель Пашков, о нас даже был репортаж в новостях по областному ТВ, где мы по случаю выставили лучшие свои работы. Работа на разрезе, активная комсомольская жизнь затянула, но мысль о серьезном образовании не оставляла.

Филфак КемГУ – это целый мир, лекции, однокурсники, любимые преподаватели. Вспоминаю, как сдавали Данкову, легенде факультета, старославянский, – предмет, который с первого раза сдать было проблематично. Волновались, тряслись, но мне повезло: достался несложный текст, прочитала, уверенно назвала нужные словоформы. Экзаменатор, который, казалось, чуть дремал, вдруг оживился, спросил: «Как выучила?». Наверно, ответила, что очень старалась и что очень уж хотелось сдать.

И учеба, и работа – все пронеслось, как один миг, хотя столько интересных, хороших событий, ярких эмоций было прожито. Забот и сейчас, на пенсии, хватает: семья, огород, тесный круг родных, звонки, переписка, творческие планы, дни рождения. О нас, пенсионерах, не забывают – как-то выделили бесплатную путевку, отдохнула в санатории.

О нашем культурном досуге хорошо заботится местная библиотека, которая регулярно готовит и проводит тематические презентации творчества русских поэтов, писателей, приглашая на них любителей поэзии и литературы, всех желающих. Можно узнать что-то новое из биографии наших классиков, почитать любимые строки, высказать свое мнение на чаепитии за большим импровизированным круглым столом. Здесь же проходят яркие музыкальные мероприятия с выступлениями местных бардов. Библиотека стала стартовой площадкой и базовой платформой для поиска, развития и поддержки всевозможных талантов.

Пожалуй, это свойство человеческой памяти – хранить в душе только самое лучшее. Это как воспоминание о лете: вспоминаются, главным образом, солнечные дни. Вот и мои воспоминания о минувшем словно залиты теплым светом. Может, потому, что в земле, по которой хожу, спрятана целая кладовая мощнейших угольных пластов – а в них спрессована память солнца и древних лесов многомиллионной давности. В моем краю земля чуть ли не на каждом шагу хранит богатейшую историю: и археологическую, и экологическую, и героическую, и трудовую.

Жить тут хорошо, уезжать отсюда никуда не хочется. Такое щедрое душистое разнотравье здесь, недалеко от поселка, летом, и птицы такие звонкоголосые, а сколько лесных, полевых даров можно привезти домой в корзине! Здесь, в маленькой точке огромной земли, можно жить и чувствовать себя совершенно счастливым, здесь в отдельную человеческую судьбу может вместиться целая вселенная, здесь на протяжении десятилетий может никогда не покидать чувство единения с жизнью большой планеты. Сколько еще впереди увлекательного – природа, православие, чтение, загадки непознанного и мир прекрасного, поездки, встречи, общение! Никогда не перестанут волновать тайны окружающего и тайны человеческой души. И хочется верить, что жизненная дорога, начавшаяся когда-то в

далеком детстве, будет еще долго согрета ласковым солнцем моей малой
родины.